

К Р О К О Д И Л

КУКРЫНИКСЫ-42

Моя борьба...

Рис. Кукрыниксы

Ты сидишь одиноко и смотришь с тоской, как печально Турин дотраивает...

Сашка

ГОД назад постовой милиционер привел в педиатрический институт отошедшего, с желтым, потухшим лицом мальчика.

— Как я дежурю на вашем углу, — начал милиционер, снимая вареной индейкой с усов и бровей, — а у них, конечно, отец на войне... А парнишка для мелких братьев старается, перестарался...

Марья Михайловна, заместитель директора по хозяйственной части, все поняла с одного беглого взгляда на острое лицо мальчугана и тут же по телефону испрошала для него путевку в институт.

Мальчик в течение месяца приходил сюда вместе с другими детишками и получал обильные, вкусные завтраки, обеды, ужины. Вскоре Сашу (так звали мальчика) нельзя было узнать: это был жизнерадостный подросток с нетерпеливым, всегда смеющимся взглядом. Он чувствовал себя слишком взрослым, чтобы вместе с малолетками забавляться во дворе института игрой в войну, размахивать палкой, заменяющей саблю, или придавать той же палке, с помощью неистовых звукоподражаний, значение и роль скорострельного автомата. Он деловито обходил все закоулки института, жадно заглядывая во все кабинеты и лаборатории.

Прошел месяц. Саша в последний раз поужинал в институте и больше никогда не показывался здесь. Но с этих пор милиционер на углу Климентовского и Пятницкой торжественно козырял Марье Михайловне всякий раз, как она шла на работу или возвращалась домой.

Меж тем наступила вторая военная зима — и в институте прибавилось хлопот с детишками. Кроме питания для приходящих стали налаживать коечное, санаторное отделение. Марья Михайловна долго и безуспешно искала мастеров, которым можно было бы поручить изготовление легкой мебели: маленьких столиков, тумбочек, шкафов и скамеек. Наконец, после мно-

годневных напрасных поисков, Марья Михайловна получила в свое распоряжение задумчивого, лохматого старика.

— Стало быть, так... — продолжал размышлять старик, сворачивая папироску. — Столы, тумбочки, скамейки, — значит, это все самого малого размера. Потому что для взрослого человека, понятное дело, требуется в полную меру, а тут как для малых ребят, значит, наоборот, недомерок называется. Так, так... — и он с понимающим видом кивал головой.

Потом он упрятал всю пачку табаку в карман и сказал:

— Сделать, что ж... Отчего бы не сделать? Кабы я столяр был. А я по шорному делу, — ласково объяснил старик и вздохнул сочувственно. — По шорному, значит... Шорник я был в молодых-то годах... Вот ведь какое дело. Сбруя вам, если нужна, это — пожалуйста...

Потом пришли два солидных, строгих мужичка, от которых и пахло, как от настоящих честных столяров, — стружками, смолой, клеем. Они оставили в раздевалке лоток с рубанками, молотками разной формы, стамесками, долотами. Никаких не могло быть сомнений, что на этот раз перед Марьей Михайловной доподлинные специалисты своего дела. И разговор они вели между собою на таком таинственном, профессиональном языке, с упоминанием всех сортов и видов леса, с перечислением разных красок и лаков, что Марья Михайловна, равно ничего не поняв, прониклась к этим людям самым почтительным уважением.

— Ладно, хозяйка, — обсудив между собою все особенные заказы, обратились они к Марье Михайловне. — Ты олько вот что... Ты не сомневайся. Для задатку поднеси нам сейчас по стопочке, мы и того... Все сделаем. Все в акурате будет.

Марья Михайловна сначала решительно отказывалась, — да откуда ей взять; не трактир у

нее, не ресторан какой-нибудь!.. Гости, вызываясь подмигнув ей, сказали, что будет толковать-то, — чтоб в медицинском деле, да не оказалось порядочной бутылки с чистым спиртом.

Чтобы не упустить мастеров и задобрить их, Марья Михайловна в конце концов отмерила им запретного угощения.

Крякнули мастера, утерлись... и ушли навсегда.

Вечером, на пути домой, Марья Михайловна долго прощалась на углу Климентовского с одной из своих сотрудниц.

— Нет, — громко возмущалась она, — как вам понравится эта грязная лапша войны, эта жалкая шантрапа, эти бесстыдные вымогатели и жулики!

И много еще разных других горячих слов произнесла обманутая и оскорбленная Марья Михайловна, когда постовой милиционер подошел к ней и, козыряя, сказал:

— Разрешите... Я извиняюсь, слышу, что вам рабочие требуются. Так я вам Сашку пришлю.

— Какого еще Сашку? Хватит с меня.

— Сашка-то? Не пьет, не курит, куда ему! Пятнадцатый год только пошел ведь.

— Саша? — воскликнула тогда Марья Михайловна. — Этот мальчик? Но что же он умеет?

— В ремесленном учится... Они нынче все умеют... Просто на удивление.

Саша явился в институт с целой ватагой своих сверстников.

Саша был у них бригадиром. Выслушав заместительницу директора по хозяйственной части, он сказал только:

— Хорош!

Единственное слово это прозвучало как непрекращаемое обещание, как присяга.

Спустя неделю весь большой заказ был отлично выполнен.

А. ЗРЛИХ

Медаль

ее обратная сторона.

Генеральская болезнь

Темно брошены в пустыне,
Войско в Ливии разбито.
Итальянские прохвосты
Обращаются к Бенито.

— Положение серьезно,—
Слышен голос в телефоне,—
Шлите нам для подкрепления
Генерала Макарони.

Отвечает Муссолини:
— Перейдите к обороне,
Шлю войскам для подкрепления
Генерала Макарони.

Генерал приехал в Тобрук,
Быстро в деле разобрался
И не будь дурак — немедля
К англичанам в плен подался.

Вновь из Ливии презвонят:
— Генерал сидит в полоне.
Шлите нам для подкрепления
Генерала Панталони.

Отвечает Муссолини:
— Генералы все в разгоне...
Шлю войскам для подкрепления
Генерала Панталони.

Генерал, на сербском фронте
Изучивший все науки,
Только в Ливию приехал —
Сразу поднял вверх руки...

Под ливийским жарким солнцем
Непрерывно войско тает.
Ни солдат, ни генералов
Итальянцам не хватает.

Мих. МАТУСОВСКИЙ
Северозападный фронт.

Телефонный разговор

— Алло, алло! Товарищ лейтенант, вижу
пять вражеских автоматчиков...
— Плохо слышу, повторите!
— Вижу четырех солдат противника! Алло,
товарищ лейтенант, вы меня слышите?!
— Тут мешают! Повторите, сколько?
— Трое! Три солдата движутся в нашем на-
правлении! Алло, товарищ лейтенант!
— Да-да! Слышу! Трое?
— Двое, товарищ лейтенант! Двое!
— Ага! Двое?!
— Теперь один! Один!
— Алло! Алло! Почему молчите? Алло!
— Сейчас, товарищ лейтенант! Ага! Всё!
Больше нету, товарищ лейтенант! Последнего
снайпер Семенов только что снял!

А. ГРОССМАН,
сержант

ОБЩИЙ ЯЗЫК

Рис: И. Семенова

— В военном деле главное —
пунктуальность, товарищ пол-
ковник!
— Так точно, товарищ гене-
рал! Сегодня мы заняли еще
несколько населенных пунктов!

Случай в аду

Был день — как день. Облезлые от пота
Трудились басы у своих котлов,
И на выпавших фрицев с неохотой
Сам Вальзеуэл глядел из-под очков.

И вдруг в котельной все пришло
в движение:
Ввалились фрицы — непу им числа!..
— Под Сталинградом наши в окружение,
Не умолкает жаркое сражение,
Нас лично в ад «Катюша» занесла!

...Уже котлов у басов не хватает,
И на оразу эту мало дров,
Уже привратник немцев в грудь пихает:
— Куда вы прите, черти! Нет местов!

А фриц идет! Идет за ротой рота
Горланящей и смрадною толпой,
И Вальзеуэл трясется — сам не свой:
— Ох, русские! Ну задали работу!
И чтобы адский график не ломать,
В котел сажает сразу сотен пять!..

Леонид ЛЕНЧ

Фриц и собака

БЛИНДАЖ командира роты. Снайпер Кли-
мов только что вернулся с огневой по-
зиции и докладывает командиру части:

— Сегодня убил одиннадцать фрицев.
— Молодец!

— Товарищ майор, разрешите вопрос: собаку
за фрица считать?

Все дружно расхохотались.

Но Климов сказал, что смеяться нечего, а
лучше послушать, как было дело:

— Фрицы, выкопав траншею к самому До-
ну, высовывались из-за бруствера и черпали
воду в реке. Я нескольких гадов подшиб.
Тогда они пустили собаку с котелком, я и
собаку-водоноса убил. Ну вот, как же теперь?
Считать собаку за фрица или нет?

И все порешили собаку за фрица не счи-
тать, но всех фрицев убивать, как собак.

Г. ЯКОВЛЕВ

Действующая армия.

Девушка с характером

СОСНА, ель, тишина, сумерки. Вообще — природа.

И вот по лесной заснеженной тропинке идут двое. Один из них — рослый, широкоплечий парень в белом маскировочном халате, с автоматом в руках. Второй — это субъект средних размеров, средней упитанности. И думаю, что вы, конечно, догадаетесь, это это Фриц.

Фриц идет впереди. Человек с автоматом — позади. Один из этих двух — в тудупе, в валенках, в мохнатой ушанке. Второй — в бабьей кацавейке, и голова обмотана рваным и грязным платком.

Фриц спотыкается. Ему скучно и тоскливо. Он по и дело замедляет шаг. Но остановиться не может. Повернуть назад не смеет. За его спиной — холодное и суровое дуло автомата. И автомат этот в руке...

При воспоминании о руке Генриху Штейнеру делается не по себе. Да, автомат в очень крепкой руке. Еще до сих пор у Генриха Штейнера шум в голове. Ну, и здорово хватил его по башке этот здоровенный русский парень, партизанский разведчик!

Они идут. И вот они пришли в какую-то землянку.

Парень в маскировочном халате сказал, обращаясь к усатому человеку:

— Товарищ командир! Принимай итаку.

Птаха в бабьей кацавейке испуганно озирается по сторонам. Вдруг она увидела на столе каравай хлеба и огромный кусок колбасы.

Птаха забыла обо всем на свете. Ее глаза засверкали вдохновением. Она жалобно прокаркала:

— Кушать...

Фрицу дали поест. Он немедленно с превеликой доблестью атаковал хлеб с колбасой.

Но вдруг еда застряла в его горле. Глаза расширились. Он увидел то, чего в жизни никогда не видел. Парень, который привел его, сбросил с себя маскировочный халат. И этот парень оказался не парнем.

Это — страшно сказать! — это... девушка.

Что же это такое? А? Нет, что ли говорили, а русские применяют неправомерные методы войны. Его, германского обер-ефрейтора, поймали и привели в плен девушка. И это она его... Шум в голове напомнил ему о первых мгновенных своей встречи с этой русской девушкой.

Птаха перестала есть. У птахи пропал аппетит.

Нас это мало беспокоит. Тем более что наш рассказ — не о Фрице, а о разведчице Ане, о девушке из партизанского отряда «Бей гадов!»

— В нашем отряде, — рассказывает командир, — есть свой женотдел. И возглавляет его Аня. О, это девушка с характером! У нас и другие девушки не лыком шиты. Но Аня...

Рука? Да. Рука у нее крепкая. Но и голова у нее крепкая. А в партизанском ремесле голова — не последнее дело.

Пошли раз поздно вечером наши девушки под командой Ани ловить «языка». И вот какую штуку Аня придумала. Дело в том, что на самом краю деревни стоит немецкий часовой. Его-то и надо было притянуть к нам. Но как его звать, чтоб шума не случилось? Чуть что — немец поднимет тарарам.

Аня придумала. Она из соломы сделала чучело. Нарядила его в немецкую шинельку и пилотку. Привязала к чучелу длинную бичеву. Поймав момент, когда часовой удалился в сторону, Аня положила соломенного Фрица на дорогу, а сама отползла в кусты.

Вот выходит часовой. Аня из канавы дергает за бичеву. Чучело ползет. Часовой при бледном свете луны замечает, что ползет немецкий солдат. Часовой сразу догадался: немец хочет перебежать к русским. Часовой кричит: «Халы!» Чучело молчит и начинает быстрее ползти. Часовой бежит за чучелом. Но чучело набирает темпы. Часовой стрелит в чучело и попадает ему в спину. Но чучело не обращает внимания на такие пустяки и продолжает ползти. Часовой бежит.

А когда отбегал подальше от деревни... Короче говоря, вскоре часовой очутился в партизанской землянке. Тут его наши девушки и познакомили с чучелом.

Были у Ани дела и посерьезней. Нужно было пустить под откос немецкий эшелон.

У железнодорожной насыпи ходит немецкий полицейский. Вот-вот должен пройтись поезд. Подбегает к полицейскому, сильно хромая на одну ногу, какая-то растрепанная, сильно перепуганная женщина. В руках корзинка со щавелем.

— Ой, господин полицейский!.. Собирала щавель... Сама видела... Партизаны что-то положили на рельсы... Сейчас все крутом взорвется... Надо бежать... Ой!

И полицейский кинулся что есть мочи подальше от опасного места. Этого только и надо было Ане.

Вы, конечно, поняли, что хромая баба со щавелем — это была Аня. Так поймите еще и то, что в корзине под щавелем у нее лежал чудный гостинец для немцев. Этот гостинец был немедленно положен под рельсы. А минут через пятнадцать вся окрестность огласилась сильным взрывом и грохотом разбитых вагонов и платформ.

Вот такая наша Аня! Еще много интересного можно было бы о ней рассказать. Да всего сразу не расскажешь... Боевые ребята — наши девушки!

Г. РЫКЛИН

Рис. Н. Селетов

К ВОПРОСУ О ПОТЕРЯХ

Фрау Амалия Штумпе потеряла мужа и брата под Нальчиком.

Обер-ефрейтор Карл Пупке потерял ногу в районе Туансе.

Солдат Адольф Штриппе потерял мундир и все награбленное при отступлении на Центральном фронте.

Полковник Курт Швайнер потерял весь свой полк под Сталинградом.

И все они вместе окончательно потеряли надежду на победу Гитлера.

Метким ударом

(По столбцам краснойармейской печати)

У НЕМЕЦКОГО ПРОКУРОРА

— Ефрейтор Клаус, вы обвиняетесь в том, что в своих письмах болтали, будто бы русские взяли нашу дивизию в мешок. Что вы скажете в свое оправдание?

— Господин прокурор! Как говорится, шила в мешке не утаишь. Особенно если это — не шило, а целая дивизия.

(«Красный гвардеец».)

ТОЧНЫЙ ПОДСЧЕТ

— Какие у вас потери?

— Единицы: лейтенант Кейбер потерял руку, капитан Бянке потерял ногу, полковник Кумпол — голову, а генерал фон Шрек — дивизию.

(«Красный гвардеец».)

ДИСЦИПЛИНА ДО КОНЦА

(Под Сталинградом)

РУМЫНСКИЙ СОЛДАТ: — Русские изступают! Сдаются!..

КОМАНДИР ПОЛКА: — Никакая беспорядков! Сдаваться организованно — всем полком.

(«За советскую родину».)

РАЗГОВОР ДВУХ ФРИЦЕВ

— Наш полковник фон Грех от огорчений под Ржевом так похудел, что у него остались кожа да кости...

— А от нашего полковника под Кармановом даже костей не осталось!

(«Ленинское знамя».)

ПОСЛЕДСТВИЯ ЦЕНЗУРЫ

— Как-то Гитлером была получена телеграмма, содержание которой было следующее: «Гитлер... Гитлера... Гитлеру... Гитлеру... Гитлеру... Гитлеру...»

Как выяснилось, телеграмма попала в цензуру и доктору Геббельсу, который из уважения к фюреру замазал все нецензурные места!

(«Советский боец».)

Смерть почтового чиновника

КАК-ТО ядких Вильгельм Баумшток, старший конторщик полевой почты, пришел в хорошее настроение. Он тайком от дошного казначея выпил флягу рома — последнюю флягу! — и тихонько зашел:

«А меня не убили, а меня не убили!»

А меня и убить-то не могут!..»

В хорошее настроение привело Вильгельма Баумштока письмо от тещи Старуха писала, что второй двоюродный брат Вильгельма погиб на русском фронте. В общей сложности сошло в могилу, по тещиным подсчетам, шесть родственников Баумштока: Густав — автоматчик, Алонз — летчик, Отто — сапер, Рудольф — танкист, Эрих — связист и Ганс — мотоциклист. Теще грустно, но Вильгельму Баумштоку радостно. Еще бы: из полевой почты служить — максимум безопасности!

Вильгельм Баумшток уснул с улыбкой счастья на лице. «Не убьют, нет, не убьют!» — шептал он во сне, прижимая к груди пустую флягу.

Ночью Вильгельма разбудили принимать посылки. Из мотополка пришел трехтонный грузовик. Штабная канцелярия нагрузила четыре розвальней. Объемистые посылки едва вместились в почтовую кладовую. Потом пришло еще два грузовика — из минометного батальона и из роты самокатчиков. Чувствовалось, что за последние дни с передовой что-то особенно усердно отправляются посылки. И к тому же со вчерашнего дня машины почему-то не ходят на запад. Вторые сутки почта не отправлялась — ни посылки, ни исходящая корреспонденция! Вся контора забита. Заносы, что ли, на дорогах снежные?

Вильгельм Баумшток прислушивался к разговорам. Дотошный казначей где-то слышал, что сегодня утром весь мотополк погиб под русскими танками.

— Послушай, Вильгельм! — подмигнул казначей. — Если ты мне доверяешь, давай раскроем несколько посылок из мотополка. Верное дело — люди мертвы, мертвы, как один. Давай, если ты мне веришь!

Старший конторщик Баумшток еще не пал так низко, чтобы вогнать в одежки с мерзостным казначеем.

— Не говори глупостей! — резко оборвал он казначея и отогнал его от своего бюро.

Но как только казначей ушел, Вильгельм быстрым движением выкатил давно примеченный боценок меда, принятый вчера от обер-ефрейтора Гюнтера из мотополка. В одно мгновение боценок оказался под койкой Баумштока. Улучив минуту, конторщик снял крышку и зачерпнул между чайным блюдцем. Он жадно впилился в него губами. Хорош мед!

Наутро начальник почты приказал вывесить объявление о том, что прием посылок, согласно распоряжению командования, временно прекращен. Многие клиенты забирали свои посылки обратно. Но из мотополка никто не пришел. Значит, верно, что мотополк погиб. Вильгельм Баумшток, пока не явился на дежурство дошного казначея, извлек с нижней полки жестяную банку с фруктовым вареньем, которую он облюбовал накануне. Хорошо варенье! Ребята из мотополка, видно, едят неплохой вкус! Вильгельм Баумшток зачерпнул еще раз глубокой тарелкой и сделал несколько глотков, чуть не подавившись костью сливы.

Для Вильгельма Баумштока начались горючие дни. Дивизия вместе с полевой почтой оказалась — это уже точно — в кольце у русских. Исходящая корреспонденция и посылки лежали без движения. Все меньше клиентов приходило забирать свои посылки обратно. Убиты! Николая еще Вильгельм Баумшток так хорошо не питался, как в дни окружения. Ему хотелось написать теще восторженное письмо, но он с досадой подумал, что если бы нормально шла почта, — ни о чем радостном не пришлось бы писать...

Когда наши бойцы захватили полевую почту, они застали там умирающего Вильгельма Баумштока. Старший военфельдшер Ирина Голубева доложила комбату, что Фриц, валяющийся на посылках, смертельно обожрался и вот-вот умрет, так что показаний он, очевидно, не даст. Ирина Голубева была права. Пять минут спустя после короткой агонии Вильгельм Баумшток скончался. На всякий случай Ирина Голубева застала его предсмертный бред. Можно было разобрать только несколько слов: «А меня не убьют, а меня не убьют...»

М. ШУР

Дебютующий артист.

СУЩАЯ ПРАВДА

Рис. А. Баженова

«...Не беспокойся, Гретта, мы очень мало изменились с прошлой зимы...»

Рис. В. Горяева

— Говорят, ваш муж — меткий стрелок, фрау Шульц.

— Какой там! Вторую пару туфель присылает с фронта — и все не мой размер.

— Ох, боюсь, что мой друг Адольф, ничего не получив по этому меню, захочет закусить Италией!

Новая песня

(На мотив «Во поле березонька стояла»)

Во поле диванья стояла
Лютого фашиста-генерала,
Стали наши снайперы стрелять
По арийским лбам немецкой рати.
Метких истребителей винтовки
Щелкают, громят без остановки.
И у немчуры без остановки
Начались «березозаготовки».
Гансы от стрельбы затосковали,
Множество березы напосажи.
И не для печурок от мороза,
На кресты пошла у них береза.
Нам не жаль на это дранщины,
Ни березы белой, ни осины.
Гадюк под березой похороним,
Сверху кол осиновый загоним!

В. ИВАНОВ

Действующая армия.

Ботинок

ЛЮБОПЫТНЫЙ случай произошел со мной в одном из боев за высоту. Надо вам сказать, что с тех пор я особенно заботливо отношусь к моему правому ботинку. Почему именно к правому?

Вот об этом-то я и хочу рассказать.

Заняли мы, значит, высоту и закрепились. Белофинны с этим никак примириться не захотели, ну и полезли. Они лезут, а мы, ясное дело, бьем.

Отбили мы таким манером одну контратаку, и тут-то я почувствовал, что вся правая нога гудит и ноет. Короче говоря, анной всему ботинок: жмет, проклятый. Обругал я его впро-рячах, да и сел переобуваться.

Оглянулся я — и глазам не верю: рыжий верзилка прямо прет на меня.

Долго размышлять мне было некогда. Схватил я первое, что попало под руку, и запу-

стил с такой силой в рыжую образину белофинского вояки, что он от сюрприза такого обалдел. Ему, наверное, и в голову не пришло, что я в него запустил не гранатой и даже не камнем, а самым обыкновенным красноармейским ботинком. Должно быть, вперепуту белофинн принял этот самый ботинок за какой-нибудь новый снаряд небывалой убойной силы, потому проворно пустился наутек.

Оказывается, и ботинок в нужную минуту тоже «стреляет». Подобрал я после тот ботинок — ничего, справная обувка. Только после того как он отпечатался на белофинской физиономии, ремонт небольшой пришлось сделать. А так все нормально: больше не жмет, не давит.

Григорий ПАВЛОВ,
красноармеец

Карельский фронт.

НАКАНУНЕ Тушка, деревенский староста, оповестил всех граждан: «Завтра, в двенадцать часов, мирской сход. Кто не придет, тот потом долго хворать будет...» Это означало: за неяку на сход немецкие солдаты будут стегать людей новыми прутьями. Однажды такое уже было.

К двенадцати часам у пожарного сарая собралась вся деревня: женщины, старики, старухи, подростки. А парней и средних лет мужчин тут не было, если не считать Митяку Ветелкина, пьянчугу, пустоболта, бездельника: все другие мужчины и парни ушли или с Красной Армией или к партизанам.

Митяка, длинноногий, нескладный, с глупыми, как у окуни, глазами, переходил от кружка к кружку и все курил тоненькие словесные ромашки немецкие папиросы, пахнувшие гнилым грибом. Папиросы ему до крайности нравились, однако он дышал и дымил и, видно, все ждал, что его спросят, откуда у него такие папиросы: хотел похвастаться дружбой с кривым «лезервистом», то есть солдатом внутренней охраны. Но никто не спросил; люди переговаривались шепотом: ждали новых бед. «Господи, господа, чего еще хотят, треклятые? Зачем сход-то опять собирают?»

Митяка переходил от кружка к кружку и говорил тошнотворные глупости:

— Хотят всех по культурной форме обрядить: мужики чтобы в касках, а бабы — в портках...

В половине первого увидели: к пожарному сараю шагают староста Тушка и здоровущий немец Пфафф, а за ними — кривой «лезервист».

Пфаффа знали все. Он уже несколько раз бывал в деревне, интересовался, как крестьяне отгружают на станцию хлеб, полушубки, валенки, шерсть... Нижняя челюсть у него такая большая, словно свою челюсть он однажды потерял и ему приставили конскую, обтянули человеческой кожей и приставили.

Немец быстро подошел к дорогам, поднялся на них, крикнул ломанно:

— Христос воскрес, православные!

И, видно, хотел оделать веселое лицо, но ничего не вышло: с такой челюстью веселого лица не построить.

Люди удивлялись до испуга. Если верить церковному календарю, Христос воскресает в начале весны, а нынче — сентябрь; в такую пору Христу воскресать неприлично. Это впервые. А во-вторых, людей устроила попытка немца улыбнуться. «К чему бы это такое — ах, батюшки!»

Пфафф стал говорить. Говорил он о том, что отныне колхоза не будет, а будет «залега единолнш». Он говорил о землемере, о том, что землемер завтра же разделит поле на участки и «каждый мужик, каждый баба будет вольна хозяйств...»

— Христос воскрес!

По полю ходили землемер и староста Тушка. Они делили землю на полюсы: «Это Василию Квакину», «Это Марфе Цыганковой», «А это Степаниде Трофимовой...»

Будущие землевладельцы, «вольна хозяйств», то есть «вольные хозяева», тоже были тут: им было велено обозначать границы своих участков колышками. «Хозяева» были крайне скучны: вздыхали, кричали... Только Митяка Ветелкин метался с участка на участок, веселый, возбужденный, и говорил всякие несуразности.

Ему двадцать семь лет, но он, видно, плохо помнит доколхозную жизнь и знает о ней главным образом по рассказам отца — Родиона Ветелкина, человека весьма отсталого и работавшего в колхозе неохотно и неградиво. Старик очень хвалил доколхозные порядки: «Сам себе полный хозяин. Чего хотишь, то и сделаешь и планируешь все по своему разуму».

Но говорил Родион все это до войны, а когда в село пришли немцы, он, присмотрев-

— Расскажи, Юкко, что ты знаешь про хлебное дерево.

— Оно растет преимущественно в Финляндии. Из его коры делают хлеб.

пился к ним, помрачнел и, казалось, даже погорбился.

На дележ поля Родион, конечно, тоже пришел. Ему отделили участок, но Родион, как и все, был пасмурен и все вздыхал и ожесточенно чесал то плечо, то шею...

В полдень Тушка и землемер ушли на село обедать. Новым «землевладельцам» тоже следовало бы пойти во дворам: как ни как, а дома есть вареные и толченые жолуды, соевые сырочки, немножко картофеля. Но великая тоска свела всех людей к проселку, как раз к тому месту, где сидел Родион Ветелкин, коренастый, кряжистый старик, который когда-то очень хвалил доколхозные порядки.

Соплились, сели на проселок...

— Ведь вот жили, жили, — негромко и печально протворила Марфа Цыганкова, — а того не все понимали, что милей да светлей колхоза другой жизни нету. Вот попробуй-ка землю-то в одиночку поднять. Каторга каторжная!

— Да-а, — раздумчиво и тоже печально заговорил старик Квакин, — колхоз, с какой стороны ты к нему не подойди, — высшая блаженность крестьянскому человеку: и легкость, и самая первая красота, и для каждого справедливость. Ведь как бы теперь жили, кабы не эта фашизма! В меду да в сметане жили бы... А теперь...

Он посмотрел на заросшее бурьяном поле и тоскливо сказал:

— Как отцы наши из беды, из горя не вылезали, так и нам теперь! Эх-хе-хе!

Потом говорили Василиса Павленкова, Матрена Котова, дряхлый Митрофан Савостин... Говорили они о разрушенной артели, о тракторах и комбайнах, о том, как из года в год росли и росли урожай, и как легко, ладно и быстро люди пахали землю, косили хлеб, скидывали, молотили, и какие развели было стада, отары, пчельники, сад, бахчи...

— Эх, если бы не эта фашизма...

Митяка Ветелкин закурил тоненькую папиросу, замолчал головой:

— А все-таки колхоз, если об этом глубоко думать, не есть культура, потому как он человеку разворота никакого не дает. Вот, допустим, мы с папай участок зынт возьмем — и сами себе хозяева: чего хотим, того и плануем...

Родион Ветелкин нахмурился, хотел что-то сказать, но не сказал.

— А комбайн... — продолжал Митяка. — Ну, что же комбайн! Опять же, если глубоко об этом думать, он не есть твой, а чей-то такое. Если бы он твой был, тогда...

Старик Квакин сердито прервал:

— Ты это... ты, ежели умные люди разговор ведут, слушаю да понимаю. Или вон отца своего спроси: он тебе объяснит, как, бывало, мы с ним на своей-то земле «планивали»: зубами с голодухи щелкали...

Митяка спешиво откликнулся:

— Мне спрашивать нечего: свое ума довольно нажито. А в колхозе у меня нужды нет.

Родион нахмурился еще мрачнее и выговорил:

— Чего у людей есть святое, ты того не касайся. Сиди да молчи. Понял?..

Митяка отпрянул, засопел, запальчиво произнес:

— А на чорта мне колхоз, если я земле не хозяин?

На минуту стало очень тихо. Все ненавидяще смотрели на Митяку. Тишина и ненавидящие взгляды вконец распяли скверного парня.

— А если, — он угрожающе зашевелил указательным пальцем, — если тут такая агитация... оглянул Марфу Цыганкову, старика Квакина... Если тут такая агитация, то придется, покаяний, поговорить с такими в другом месте, потому как...

Все воззрились в раскряхтевшегося Митяку, и никто не видел, как Родион поднялся и зашел обок к сыну. Видели только, как на нос и на губы Митяки звучно и тяжело легла мохнатая кырая рукавица и как Митяка обалдело отскочил, заморгал, потом вырвал у дряхлого деда Савостина яблоку, хотел размахнуться, но...

Остальное произошло в одно дыхание: Митяка грохнулся и скрылся под кучей людей...

Он поднялся со стерни взлохмаченный, левая штанина разодрана надвое. Вокруг плотной, ненавидящей стеной стояли колхозники. Родион Ветелкин, прозанный и тоже взлохмаченный, хрипло и повелительно проговорил:

— Уйди отсюда. Слышишь?

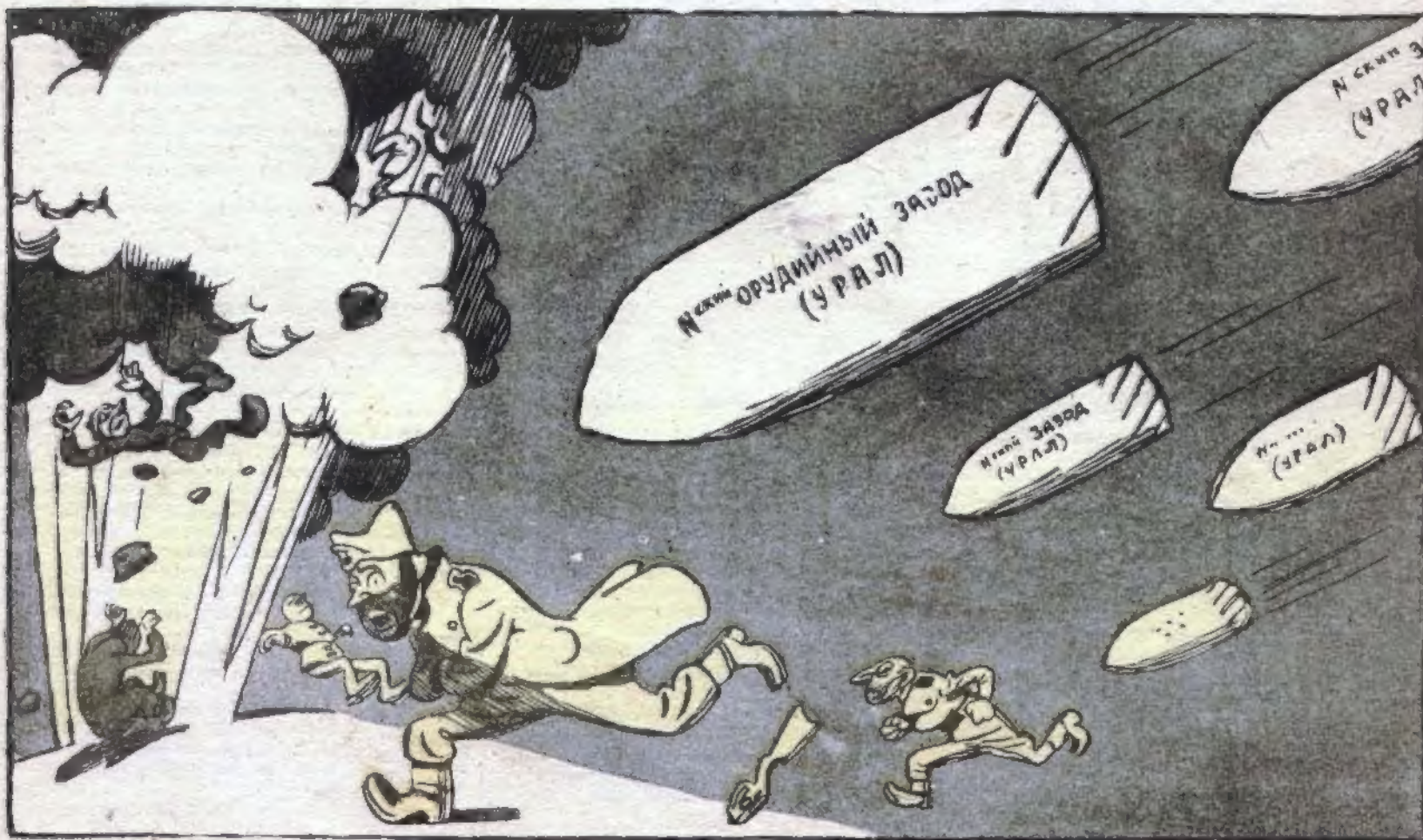
Круг разомкнулся, и Митяка, похрамывая, зашагал по стерне.

А. КОЛОСОВ

Немцам никогда не дойти до Урала...

Но зато Урал сам идет на немцев.

250